

КЛАССИКИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОЛОГИИ

А. М. СЕЛИЩЕВ

ТРУДЫ
ПО РУССКОМУ
ЯЗЫКУ

Том 1
СОЦИОЛИНГВИСТИКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

ББК 81.2Рус-2
С 29

*Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы
«Русский язык» в 2002 году*

Селищев А. М.

С 29 Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / Сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 632 с., ил. — (Классики отечественной филологии).

ISBN 5-94457-136-5

В книгу включены наиболее значительные труды по социолингвистике, этнологии и ономастике классика отечественной филологии, члена-корреспондента АН СССР А. М. Селищева (1886—1942). В издание вошли также неизвестные ранее архивные материалы, осуществлена републикация редких монографических работ, актуальных для современной науки и учебной практики: «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926» и «Забайкальские старообрядцы. Семейские». Они содержат базовые положения для основных курсов лингвистических дисциплин в вузе, раскрывают ключевые понятия языкознания: русский национальный язык, его формы, функционирование письменного языка, русские диалекты, русский язык в иноязычной среде и др.

Для филологов-русистов и славистов, студентов вузов, обучающихся по специальностям «Русский язык», «Теория языка», аспирантов и докторантов, широкого круга педагогов-словесников и научных работников, историков языкознания. Книга может использоваться в качестве *практического* учебного пособия при обучении социо- и этнолингвистике, лингвокраеведению, историческим циклам предметов регулярных курсов, а также спецкурсов и спецсеминаров по широкому кругу проблем русского языка.

ББК 81.2Рус-2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-136-5

© Б. А. Успенский, О. В. Никитин. Составление, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей (<i>О. В. Никитин, Б. А. Успенский</i>).....	7
Афанасий Матвеевич Селищев: Очерк жизни и деятельности (<i>О. В. Никитин</i>)	10
А. М. Селищев — славист-балканист: Жизненный путь (<i>С. Б. Бернштейн</i>)	22

Язык и революция

Из наблюдений над русским языком последних лет (тезисы доклада)	45
Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)	47
I. Введение	49
II. Общий характер языковой деятельности революционного времени.....	65
III. Коммуникативная функция речи.....	69
IV. Эмоционально-экспрессивная функция речи.....	156
V. Номинативная функция	189
VI. Изменение значения слов	222
VII. Языковые новшества на фабрике и заводе	227
VIII. В деревне	238
IX. Русизмы в языках национальных меньшинств.....	246
Дополнения.....	251
Библиография	253
Словарный указатель	254
Революция и язык.....	280
Выразительность и образность языка революционной эпохи	287

Из «Очерков по русскому языку современной эпохи»	300
О языке современной деревни	320

Ономастика

Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ	387
Смена фамилий и личных имен	423
Из старой и новой топонимии	436
Забайкальские старообрядцы. Семейские	495
Иллюстрации из архива	619

От составителей

Научное наследие Афанасия Матвеевича Селищева обширно и разнообразно. Он являлся не только крупным специалистом по славянским языкам и диалектам, но и выпустил ряд содержательных трудов по истории русского языка, этнологии, топонимике, социолингвистике и другим областям. Причем в каждое из названных направлений его вклад оригинален и самостоятелен. А. М. Селищев как наблюдательный и тонкий лингвист одинаково хорошо разбирался и в подборе и комментировании материала, и в технике написания работы, всякий раз являя научному миру редкие образцы скрупулезного анализа весьма непростых вопросов языкознания.

Труды А. М. Селищева стали известны широкой читательской аудитории более 30 лет тому назад, когда издательство «Просвещение» впервые после долгого перерыва выпустило том «Избранных трудов» (М., 1968) ученого по истории русского языка, диалектологии и несколько статей по славянским проблемам. Составитель (ученица А. М. Селищева Е. А. Василевская) и издатели проделали большую изыскательскую работу: прокомментировали помещенные в книгу работы, собрали и опубликовали список печатных трудов ученого, обнародовали его архив (ныне хранится в РГАЛИ). Но и они объективно не смогли вместить в объемный том все значительные произведения А. М. Селищева.

Настоящее издание призвано восполнить имеющийся пробел.

В первый том «Трудов по русскому языку» мы отобрали работы по социолингвистике, как знакомые читателям по прежнему изданию, так и новые, издававшиеся лишь при жизни ученого или неопубликованные вовсе.

В первый раздел включены работы собственно по социолингвистике 1920—1930-х гг.: «Революция и язык», «Выразительность и

образность языка революционной эпохи», «О языке современной деревни». Из архивных материалов сюда вошли тезисы доклада А. М. Селищева «Из наблюдений над русским языком последних лет» и фрагменты неоконченной книги «Очерки по русскому языку современной эпохи», представляющие немалый интерес в том числе и для современных социолингвистических исследований.

В нашем издании впервые полностью публикуется забытая книга А. М. Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926», имевшая в свое время большой резонанс как один из первых опытов научного исследования языка советской эпохи. В силу понятных обстоятельств, эта книга долгие годы находилась в «специальных» фондах библиотек, и доступ к ней был ограничен. Многие, бесспорно, интересные и точные наблюдения ученого над составом русского языка тех лет, представленные в ней, и сейчас являются образцом исследований такого типа, ставших столь популярными в последние годы.

Второй раздел «Ономастика» содержит три работы А. М. Селищева: «Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ», «Смена фамилий и личных имен» и «Из старой и новой топонимии».

Наконец, в третий раздел включена забытая книга А. М. Селищева «Забайкальские старообрядцы» — выразительный опыт этно- и социолингвистического исследования представителей малоизвестной конфессиональной группы.

В наше издание впервые в таком объеме вошли не публиковавшиеся ранее иллюстративные материалы — фотографии А. М. Селищева и рисунок, дополняющие его облик и придающие ему неподражаемый «селищевский» колорит.

При подготовке материалов мы избегали радикальной правки авторского текста. Наши изменения коснулись, главным образом, отдельных излишних пунктуационных знаков и унификации технического оформления издания. Наибольший разнобой в этом отношении встречается в «Языке революционной эпохи», который, по-видимому, из-за типографских просчетов того времени не всегда последовательно реализует авторскую концепцию. При подготовке к публикации названной выше книги мы дали курсивом все необходимые смысловые выделения слов и отдельных фраз в примерах, заключив цитируемые фрагменты в кавычки (в первом издании они даются вразнобой), исправили также очевидные орфографические погрешности и привели их в соответствие с современными нормами. Отдельные устаревшие написания слов (напр.: *руссизмы* и др.), характеризующие авторский стиль сохранены. Во всех конкретных при-

мерах наши изменения комментируются в примечаниях. В случае необходимых вставок составители помещают свой текст в квадратные скобки. Эти же принципы применяются и к воспроизведению других работ А. М. Селищева.

При работе над текстом исследования ученого «Забайкальские старообрядцы» мы посчитали целесообразным максимально сохранить архивную орнаментику книги, фиксирующую многие источники рукописного свойства и потому требующую буквальной (не упрощенной) передачи графических знаков.

Издание предназначено для филологов-русистов и славистов, студентов вузов, обучающихся по специальностям «Русский язык», «Теория языка», аспирантов и докторантов, широкого круга педагогов-практиков и научных работников, историков языкознания. Книга может использоваться в качестве *практического* учебного пособия при обучении историческим циклам предметов регулярных курсов, а также спецкурсов и спецсеминаров по широкому спектру проблем русского языка, диалектологии, этнологии и социолингвистики. Помещенные в издание труды ученого содержат базовые положения для основных курсов лингвистических дисциплин в вузе, раскрывают многие ключевые проблемы диахронического и современного языкознания: русский национальный язык, его формы, происхождение; функционирование письменного языка; русский язык в иноязычной среде; формирование подязыковых групп и др.

Составители и издательство выражают благодарность Российскому государственному архиву литературы и искусства и Архиву РАН за предоставленные материалы.

О. В. Никитин, Б. А. Успенский
Ноябрь 2002 г.

АФАНАСИЙ МАТВЕЕВИЧ СЕЛИЩЕВ: Очерк жизни и деятельности

К ученым такого масштаба, как А. М. Селищев, трудно подступать сразу, представляя читателю жизненный путь и труды, овеянные десятилетиями непрестанной, напряженной работы, нелегкой личной жизни, полной тягот и лишений. О А. М. Селищеве уже немало написано и сказано, но в основном это были либо статьи и книги, созданные коллегами под впечатлением его трудов, либо воспоминания. До сих пор мы не имеем сколько-нибудь полного собрания его наиболее важных работ и биографической статьи, вобравшей бы в себя *новые* архивные материалы и документальные свидетельства, раскрывающие его жизнь и научную деятельность без того хрестоматийного глянца и налета «устарелости», который почти всегда возникает по отношению к таким величинам, укрывая от нас живой облик самого ученого, этапы его «неофициальной» творческой биографии, о которых не было принято говорить ранее, а сейчас, с уходом его немногочисленных учеников, и вовсе многое предано забвению. Кроме того, для современного читателя, быть может, впервые берущего в руки эту книгу, окажется небесполезным самому оценить и понять сделанное А. М. Селищевым. Отчасти еще и потому мы решили предварить этот том кратким биографическим очерком, не претендующим на всю полноту известных нам сведений, но вносящим новое в одну из самых потаенных, неизведанных и в то же время исключительно благородных страниц истории отечественного славяноведения и русской филологической науки в целом.

Афанасий Матвеевич Селищев принадлежит к тому редкому типу самоучек и первопроходцев, которые, возникнув ниоткуда, ушли в вечность. И действительно, нелегко было пробиваться в жизни кре-

стьянскому сыну из российской глубинки. А родился он 11 января 1886 г. в селе Волове Ливенского уезда Орловской губернии (ныне — Липецкая область). Привыкший с раннего возраста к труду и имевший огромную тягу к знаниям, он благодаря своим природным качествам, усердию и просто невероятному упорству смог получить среднее образование и выдержал экзамены в Ливенское реальное училище. Е. А. Василевская по его воспоминаниям воспроизвела этот колоритный эпизод в начинавшейся уже тогда ученой деятельности юного Афанасия Селищева. И он весьма показателен:

А. М. Селищев рассказывал, как с запыленной котомкой за плечами, босиком он прошагал десятки верст от Волова до Ливен. Мальчик очень торопился и все-таки опоздал на экзамены, потому что узнал о них слишком поздно.

А. М. Селищев направился к инспектору. Его пустили не сразу, пришлось долго ждать. С отчаянием в душе стоял он в приемной. И случилось невероятное. Инспектор принял его и во время беседы с мальчиком был поражен его смысленостью и любовью к науке. «...» Инспектор пошел наперекор сложившимся традициям. Он собрал экзаменационную комиссию только для того, чтобы принять экзамен у одного крестьянского паренька. А. М. Селищев блестяще выдержал экзамены и стал учеником реального училища¹.

После его окончания он вновь держал экзамены в Курской гимназии и в 1906 г. был принят на историко-филологический факультет Императорского Казанского университета, который тогда славился своей особой школой, воспитавшей не одно поколение талантливых, самобытно мыслящих филологов. Так А. М. Селищев оказался в подлинно ученом кругу выдающихся лингвистов, гуманитариев и просто ярких личностей — И. А. Бодуэна де Куртенэ², Е. Ф. Будде, В. А. Богородицкого, Н. М. Покровского, А. И. Александрова. Двух последних профессоров, с которыми А. М. Селищеву приходилось тесно работать, он называл своими учителями. Его одаренность, редкие лингвистические способности и прежде всего знания языков и диалектов открыли ему путь в классическую науку. И после окончания регулярного курса с дипломом первой степени в 1911 г. молодого специалиста оставляют при университете по ка-

¹ Василевская Е. А. Афанасий Матвеевич Селищев: (Биографический очерк) // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 5.

² И. А. Бодуэн де Куртенэ к тому времени уже не работал в Казани, но есть письменные свидетельства контактов двух ученых в 1910-е гг. (РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 74).

федре славянской филологии для подготовки к профессорскому званию. В 1913 г. он успешно сдал магистерские экзамены и был принят приват-доцентом по той же кафедре³. Тогда же А. М. Селищев публикует свои первые работы, посвященные широкому кругу славистической проблематики: «Карл Гавличек о русской литературе и “Славяно-православной партии”» (1912), «Взгляды К. Гавличка на Россию. К истории славянских взаимоотношений в половине XIX века» (1913), а также переводы, рецензии на учебные труды и хрестоматии С. М. Кульбакина, Н. М. Каринского, Е. Ф. Карского (1914).

Находясь в Казани, А. М. Селищев ведет большую общественную работу на ниве просвещения. Он принимает активное участие в деятельности Педагогического общества Императорского Казанского университета (он был избран в его действительные члены в 1911 г.), немало времени и сил уделяет работе в библиотеке славянской филологии. Наконец, начинает читать лекционные курсы и ведет практические занятия по широкому кругу весьма сложных и ответственных дисциплин: сравнительная грамматика славянских языков, старославянский и болгарский языки, введение в славянскую филологию и др. С. Б. Бернштейн в своей книжке приводит такие воспоминания историка Н. П. Грацианского об этом периоде университетской деятельности А. М. Селищева: *«Я как-то попал на его лекцию, посвященную истории Ъ. Сюжет от моих интересов весьма далекий. Однако во время лекции мне, как и всем слушателям, казалось, что важнее вопроса об Ъ в жизни ничего нет»*⁴.

Первый большой литографированный курс лекций А. М. Селищева «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (вып. 1, Казань, 1914) определил приоритеты ученого и выразил уже тогда четко сформировавшееся научное кредо. С выходом этого труда А. М. Селищева заметили в столице, и сам И. А. Бодуэн де Куртенэ в феврале 1915 г. обращается к нему с просьбой «ознакомиться основательно» с книгой, «на которую мне было указано, и которая, вероятно, пригодна как пособие для готовящихся к экзамену по этому предмету»⁵, а также просит еще один экземпляр для Л. В. Щербы. По получении он пишет ее автору: «Я прочол»⁶ <...>

³ Ученые записки Императорского Казанского университета, год LXXXI, кн. 11, ноябрь, 1914. С. 13.

⁴ Бернштейн С. Б. А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 13. Подробнее о казанском периоде жизни А. М. Селищева см. в публикуемом далее фрагменте указанной книги С. Б. Бернштейна.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 74. Л. 1.

⁶ Так в автографе.

Вашу книгу и могу с чистой совестью рекомендовать ее своим слушателям на В^{ысших} ж^{енских} к^{урсах}»⁷.

В русской дореволюционной школе существовала замечательная традиция молодых талантливых исследователей отправлять на практику в Европу, преимущественно в славянские страны (но не только) для ознакомления на месте с диалектами и языками, культурой, бытом, местными памятниками, которыми были знамениты монастыри балканских государств. И такая счастливая возможность представилась А. М. Селищеву (счастливая еще и потому, что уже больше ему никогда не удалось побывать в славянских странах). Такую поездку он совершил в 1914 г., находясь преимущественно в Македонии и изучая ее богатую и сложную историю, а главное — он обратился к исследованию межславянских лингвистических связей, определению того культурно-языкового феномена, который и представляет собой славянский мир. И делал он это с исключительной тщательностью, радением и любовью⁸. Начавшаяся империалистическая война помешала дальнейшим планам ученого: пробыв на Балканах два с половиной месяца, он возвратился в Россию, остановился на некоторое время в Петрограде с целью поработать в архивах и библиотеках для сбора материалов по македонским говорам, а затем вернулся в Казань и продолжил учебные занятия.

В этот период его деятельность была в основном сконцентрирована на обработке полученных во время поездки материалов для будущей диссертации. Тогда же он пишет рецензии на книги Н. С. Державина «Болгарско-сербские взаимоотношения и македонский вопрос» (1915) и А. В. Миртова «Учебник по истории русского языка» (1916), публикует программу по истории русского языка в средней школе и указатель учебных пособий по данному предмету.

В 1918 г. А. М. Селищев издает свою диссертацию «Очерки по македонской диалектологии» (т. 1, Казань). В том же году состоялась ее блестящая защита, и его удостоивают ученой степени магистра славянской филологии.

Вскоре А. М. Селищев покидает Казань и прибывает в Иркутск, где открылся первый в Восточной Сибири университет. Ученый стал заведовать кафедрой русского языка и ближайшие годы посвятил изучению наречий и культуры местного населения. С целью озна-

---

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ О своей поездке он рассказал в «Отчете о занятиях за границей в летнее вакационное время 1914 года» (Ученые записки Казанского университета, 1915, года 82-го кн. 6—7).

комления с коренными говорами того края А. М. Селищев участвовал в диалектологических экспедициях. И главный его труд этого периода как раз и был посвящен исследованию необычной в языковом отношении этносоциальной группы, которая на фоне местных северновеликорусских говоров сохраняла черты «южновеликорусскости». Он назывался «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1920). Автор исследовал полученные им в результате поездок редкие документальные свидетельства, рукописи из местных архивов, богатые личные наблюдения, сумел опубликовать даже фотографии «семейских». Эта книга, известная в общем-то небольшому кругу специалистов, только теперь обретает второе дыхание.

Другой крупный труд иркутского периода деятельности ученого — «Диалектологический очерк Сибири» (вып. 1, Иркутск, 1921), посвященный памяти академика А. А. Шахматова, содержит анализ фонетики и морфологии русских диалектных групп Сибири, а также Камчатки. Автор обоснованно говорит, что «изучение говоров Сибири представляет глубокий интерес» и называет такие главные проблемы в этой области:

1) Русские говоры Сибири, оторвавшись от ближайших говоров европейской России, начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойствен говорам их метрополии в XVI, XVII вв. Сравнительное изучение говоров Сибири и европейской России прольет свет на состояние тех или иных русских диалектов в XVI и XVII столетиях. С другой стороны, такое изучение укажет, какие языковые процессы были пережиты русскими поселенцами в Сибири в течение последних 300—200 лет.

2) Сравнительное изучение говоров Сибири и европейской России определит путь освоения Сибири.

3) Русские выходцы из разных местностей России, поселившись в Сибири, оказывали влияние одни на других. Ассимиляция происходила и в отношении языка. Влияние шло преимущественно со стороны носителей северновеликорусских говоров. От средневеликорусов, или от языка общерусского, усвоено в некоторых местностях аканье и иканье.

4) Русские поселенцы в Сибири и народы Сибири приходили в различные взаимоотношения. Следы этих взаимоотношений отражаются также в языке и русского населения, и народов Сибири⁹.

Находясь в Сибири, в этом отдаленном и заброшенном в научном отношении крае, в период Гражданской войны, голода и смены

---

⁹ Цит. по изд.: С е л и щ е в А. М. Диалектологический очерк Сибири // С е л и щ е в А. М. Избранные труды. М., 1968. С. 225.

идеологических приоритетов А. М. Селищеву стоило немало личного мужества заниматься сбором диалектологических данных. В то же время он сохранил научные контакты и с крупнейшими представителями столичной науки, которые в меру своих, теперь уже скудных, сил и возможностей, помогали ученому. Так, исполнявший обязанности председательствующего в Отделении русского языка и словесности АН академик В. М. Истрин в письме А. М. Селищеву 1920-х гг. сообщает: «Многоуважаемый Афанасий Матвеевич! Отделение ассигновало Вам на поездку в Сибирь 100 тысяч. Но получить их Вам, по теперешним советским мудрым правилам, пожалуй, будет более чем затруднительно. Не будет удивительным, если получите их уже осенью. Мы бессильны ускорить»¹⁰.

А. М. Селищев проработал в Иркутске с осени 1918 до лета 1920 г. Затем ученый на некоторое время возвращается в Казанский университет, где его избирают профессором, но там ему не пришлось работать с полной отдачей. «После преждевременной смерти Н. М. Петровского, — пишет биограф и ученик А. М. Селищева С. Б. Бернштейн, — 6 февраля 1921 г. он возглавил преподавание славяноведческих дисциплин в Казанском университете. Однако педагогическая нагрузка была незначительной, так как весь цикл славистических дисциплин подвергся в это время здесь значительному сокращению»¹¹. Но все же А. М. Селищеву и здесь удалось сделать интересные открытия в области бытования русского языка в неславянской среде. Позже, по результатам поездки ученого в Чувашию, им были изданы статьи: «Русский язык у инородцев Поволжья» (1925), «Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье» (1927) и «Культурно-общественные взаимоотношения чуваш с соседними народами» (1927). На этом завершился еще один этап в научной биографии А. М. Селищева.

К концу 1921 г. ученый получает приглашение из столицы возглавить оставшуюся вакантной после смерти В. Н. Щепкина кафедру славянской филологии в Московском университете. С начала 1922 г. начинается, пожалуй, самый плодотворный и в то же время самый трагический период в его жизни. А. М. Селищев много публикуется по проблемам балканского языкознания (в частности, по болгарско-

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2231. Оп. 1. Ед. хр. № 93. Л. 8.

¹¹ Бернштейн С. Б. А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 20.

му языку и албанистике), пишет рецензии, занимается преподавательской деятельностью.

Еще в 1921 г. его избирают действительным членом Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН), куда позднее, с закрытием МГУ, он переходит работать в Лингвистическую секцию, возглавлявшуюся Д. Н. Ушаковым¹². Уже на одном из первых заседаний, 8 июня 1923 г., А. М. Селищев делает доклад «К вопросу о культурно-языковых отношениях на Балканах. Один из ранних балканизмов в болгарском языке»¹³. Надо сказать, что ученый попал в среду, где мог реализовать и свои способности, и успешно работать как педагог среди таких крупных ученых, как М. Н. Петерсон, Р. О. Шор, А. И. Соболевский, М. В. Сергиевский, Н. Н. Дурново и другие. По протоколам заседаний Лингвистической секции видно, что в 1923/24 учебном году он вел семинарии по старославянскому языку и сравнительной грамматике, по южно- и западнославянским языкам. Кроме собственных (и притом неоднократных выступлений) там обсуждались очень разные доклады. Например, на заседании 16 ноября 1923 г. слушали сообщение Р. О. Шор «О некоторых стилистических фигурах в Ригведе», 30 ноября того же года — Б. И. Ярхо «Рифмованные секвенции X в.», 14 декабря — М. Н. Петерсона «Синтаксис Лермонтова»¹⁴. 22 февраля 1924 г. А. М. Селищев произнес речь на тему «К изучению процесса языковых взаимосвязей», в которой, в частности, сказал (по записям Д. Н. Ушакова): «Нет оснований признать смешение яз(ыков) единств(енной) причиной языковых изменений, но отвергать совсем его нельзя»¹⁵. Снова он выступил с докладом 15 февраля 1926 г., с критическими замечаниями к «Очерку истории русского языка» Н. Н. Дурново, и, наконец, 22 ноября 1926 г. представил слушателям результаты своих наблюдений «за последние 3 года»: «Из наблюдений над русским языком последних лет» — так назывался его доклад, который затем был продолжен на следующем заседании 6 декабря¹⁶. В июне 1927 г. состоялось последнее заседание Лингвистической секции, и А. М. Селищев продолжает свои исследования уже в стенах других научных и учебных заведений.

¹² По имеющимся у нас протоколам, она просуществовала с 1923 по 1927 г.

¹³ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. Ед. хр. № 93. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Л. 8.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 53—53 об.

В 1926 г. А. М. Селищева избирают членом-корреспондентом Академического финно-угорского общества в Гельсингфорсе. В 1929 г. он становится членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1930-м — членом-корреспондентом Болгарской академии наук и почетным членом Македонского научного института. Плодотворную ученую деятельность он совмещает с преподаванием, работая одновременно и в МГУ, и в РАНИИОНе, и в ряде областных пединститутов (например, в Ярославле, где один из его учеников, С. А. Копорский, стал впоследствии известным лингвистом). В 1930 г. был открыт Научно-исследовательский институт языкознания (НИЯЗ), сотрудником которого он также состоял.

В эти годы А. М. Селищев издает свои многочисленные труды по славяноведению, в числе которых такие крупные и до сих пор считающиеся многими лингвистами работы, как «Полог и его болгарское население» (1929), «Славянское население в Албании» (1931), «Македонские кодексы XVI—XVIII вв.» и другие¹⁷.

Тогда же, как мы могли заметить из его выступления на Лингвистической секции РАНИИОН, его увлекла совершенно другая область, называемая теперь социолингвистикой. Он выпускает ряд статей посвященных анализу лексики и в целом языка конца 1910-х — начала 1920-х гг., а позднее издает обобщающий труд «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1927)» (М., 1928), остававшийся по причине цитирования произведений «врагов народа» в фондах спецхрана вплоть до начала 1990-х и теперь также, впервые с того времени в России, увидевший свет на страницах этого издания.

Судьба, казалось, благоволила А. М. Селищеву: он много и плодотворно трудился и получил заслуженное признание не только в родной стране, но и далеко за ее пределами. Однако наступали страшные времена гонений на славистику. Этой участи не избежал и А. М. Селищев. В начале февраля 1934 г. его арестовали по московскому делу «Российская национальная партия» и осудили на пять лет лагерей. Находился он в так называемом Карлаге¹⁸. По счастью, ему удалось избежать «высшей меры», и досрочно, с подорванным

¹⁷ Подробнее о славистической проблематике в трудах А. М. Селищева см.: Бернштейн С. Б. Селищев-балкановед // МГУ им. М. В. Ломоносова: Доклады и сообщения филологического факультета. Вып. 4. 1947. С. 11—30; Он же. А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 61 и далее.

¹⁸ Подробнее о жизни А. М. Селищева в ГУЛАГе и его скитаниях после см.: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994. С. 149—164.

здоровьем, он был освобожден в январе 1937 г., а в апреле 1939 г. получил разрешение жить в Москве.

Последние годы жизни А. М. Селищева были наполнены не только оригинальными и глубокими идеями и проектами, но и новыми испытаниями, которые, как можно полагать, приближали его скорый уход. По возвращении из ссылки он вынужден был покинуть МИФЛИ, где на кафедре Д. Н. Ушакова, казалось бы, ученый мог работать относительно свободно и плодотворно в научном отношении, но постоянно ощущал в целом чуждый ему дух, иную атмосферу. В этом он однажды признался Д. Н. Ушакову, уговаривавшему его остаться в МИФЛИ. «Ваша настойчивость по отношению к моим занятиям в ИФЛИ меня смущает, — писал он 11 августа 1939 г. — Мне казалось, что для Вас не подлежит сомнению обоснованность моего отказа от ИФЛИ. До сих пор мне тяжело вспомнить о некоторых обстоятельствах моей работы там. ИФЛИ — это НИЯЗ¹⁹ с несколько утонченными манерами. Когда, бывало, подходишь к этому Ростокинскому²⁰ заведению, невольно задаешь вопрос: не ждет ли тебя там какая-нибудь записка на стене. Нет, я не могу больше быть там. (Скрытые махинации там производятся по отношению и к другим лицам). Я не понимаю Вашего беспокойства. Кафедра не несет ответственности за безответственность руководителей института»²¹. Кроме прочего, славистические исследования в стране были тогда практически свернуты, а в учебном процессе таким предметам находилось все меньше и меньше места. А. М. Селищев без славистики жить не мог. В этом же письме он говорит: «Аспирантам необходимо побольше уделить внимания истории русского языка. Им нужен систематический курс истории этого языка, а не только разработка отдельных вопросов. Чтобы найти время для занятий по курсу истории русского языка, можно ограничиться курсом одного южного или западного славянского языка. Один язык (болг<арский>) у них пройден. И пока достаточно. А студенты будущего V-го курса сами выражали сожаление, что они не знают основного предмета — ст<аро>сл<авянского> языка. Им нужна не сравнит<ельная> грам<матика> сл<авянских> язы-

¹⁹ Речь идет о Научно-исследовательском институте языкознания при Наркомпросе, где в начале 30-х годов постоянно работал А. Н. Селищев. О травле ученого в этом институте см.: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Материалы к биографии А. М. Селищева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература. Реферативный журнал. Сер. 11. Языкознание. 1994. № 4. с. 7—16.

²⁰ Здание ИФЛИ находилось в Ростокинском переулке в Москве.

²¹ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 34. Л. 1—2.

ков, а систематический курс ст(аро)сл(авянского) языка. Поэтому не лучше ли было бы, если бы им дан был курс «Ст(аро)сл(авянский) язык сравнительно с русским». Такой курс может идти и под рубрикой сравнит(ельной) грамматики слав(янских) языков»²². Наконец, здесь же, в заключительных строках письма, А. М. Селищев снова называет, по-видимому, основную причину, не позволяющую ему работать далее в МИФЛИ: «Прошу Вас: не пеняйте на меня. Ведь я оправдал Вашу рекомендацию. Студенты и аспиранты были удовлетворены моими занятиями. В общественном отношении я также безупречен. Но меня обессиливала институтская атмосфера, в особенности после постановки вопроса о продолжении (о прекращении) моей работы в институте. Если Виноградову ставилось в вину что-то новое, то у меня ничего нового не было. Нет, не могу я работать в такой атмосфере»²³. Тогда же он направляет и письмо А. С. Карповой (директору МИФЛИ), где в более деликатной форме пишет: «К моему прискорбию, я не имею возможности продолжать работу в ИФЛИ» И далее: «Работа над учебными пособиями по моей специальности и лекции в Городском пед. институте будут у меня все время»²⁴.

С 1939 г. А. М. Селищев преподает в Московском государственном педагогическом институте, но и тогда «охота» за ним и неблагоприятные отзывы не прекращались. В Архиве РАН мы нашли яркое тому свидетельство: протокол № 7 заседания Института языка и письменности АН СССР от 1 июля 1942 г., где сотрудники этого учреждения неоднозначно оценивали «поведение» А. М. Селищева. Так, П. И. Лебедев-Полянский прямо заявил: «О проф. Селищеве, который занимал и продолжает занимать неправильную *политическую* (курсив наш. — О. Н.) позицию. Проф. Селищев должен интересоваться наукой, а не ставить в первую очередь вопрос своего самолюбия. Если предан науке, вернись в систему Академии Наук и постарайся вызвать доверие, а тогда можно будет и поднять тот вопрос в Президиуме, который его интересует»²⁵. Но для этого нужно

²² Там же. Л. 2.

²³ Там же. Л. 2—3.

²⁴ Там же. Л. 4.

²⁵ Речь идет, по-видимому, об исключении ученого из состава АН СССР и лишении звания члена-корреспондента в 1938 г. в связи с «делом славистов», по которому проходил А. М. Селищев (еще до этих событий, в 1929 г., его избрали членом-корреспондентом АН СССР) (см. подробнее: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»... С. 158—160).

прежде всего работать в системе АН»²⁶. Другой участник заседания, Г. О. Винокур, выступил в более положительном ключе: «Я считаю высказанное здесь мнение о необходимости расширить сферу деятельности славянского сектора и усилить его состав — абсолютно верно. Кроме [этого], желательно было бы привлечь к работе <...> проф. Селищева, выдающегося знатока славянских языков»²⁷.

Ни в МИФЛИ, которого к тому времени уже не существовало, ни в Академию наук А. М. Селищев уже не вернулся, продолжая преподавать в пединституте.

За два месяца до смерти, 6 октября 1942 г., он составил план предстоящей работы, который выглядел так (цитируем собственноручный автограф ученого):

Проф. Селищев в 1942—1943 учебном году занят будет следующими работами:

1) Славянское языкознание. Том III. Восточнославянские языки²⁸. История и диалектология ру<ско>го, украинского и белорусского языков. Намечаю закончить к 1 мая введение в это изучение, обозрение процессов древнейшей эпохи, общих всем восточнославянским группам, и фонетику русской группы.

2) Славяноведение в борьбе с гитлеризмом²⁹. Эту работу предлагаю закончить к 1 декабря 1942.

3) Статьи по славяноведению в связи с запросами современности³⁰.

Незадолго до смерти А. М. Селищеву удастся издать свой последний прижизненный капитальный труд «Славянское языкознание. Т. 1. Западнославянские языки» (М., 1941), а через десять лет выйдет подготовленный им к печати, но так и не изданный при его жизни по политическим (!) причинам³¹ учебник «Старославянский язык» (ч. 1—2, М., 1951—1952).

²⁶ Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. Ед. хр. № 189. Л. 7 об.

²⁷ Там же. Л. 14.

²⁸ Ученый успел издать только 1-й том, см.: Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. 1. Западнославянские языки. М., 1941.

²⁹ См.: Селищев А. М. Извечная борьба славян против немецких варваров // Славяне. 1942. № 4. С. 23—25; его же. Культура западных и южных славян и ее вклад в мировую культуру // Славяне. 1943. № 3. С. 29—32.

³⁰ Архив РАН. Ф. 696. Оп. 1. Ед. хр. № 209. Л. 5 (на л. 5 об. того же дела приписано: Проф. Петерсону).

³¹ В конце 1940-х гг., в период идеологической кампании в языкознании, А. М. Селищев, которого к тому времени уже не было в живых, снова оказался в опале, а «задержавшееся из-за войны издание учебника старославянского языка вновь было отложено, уже по идейным причинам» (см.: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»... С. 164).

А. М. Селищева не стало 6 декабря 1942 г. Он похоронен на Даниловском кладбище Москвы. Полный сил, новых идей и живой веры в торжество славянского языкознания и русской филологии, он ушел из жизни, оставив потомкам действительно фундаментальные, не устаревающие со временем труды * и глубокое осознание непреходящей ценности гуманитарного образования.

О. В. Никитин

---

* Исследователям А. М. Селищева будет небезынтересно ознакомиться с редким изданием: Памяти Афанасия Матвеевича Селищева: Сб. ст. и документов. Елец, 2003. В него вошли обзоры, воспоминания, документальные и архивные материалы, а также самая полная библиография трудов ученого и публикаций его научного наследия.

А. М. СЕЛИЩЕВ — СЛАВИСТ-БАЛКАНИСТ: Жизненный путь *

Перед глазами стоит мощная фигура учителя. Он внимательно, чуть насмешливо смотрит через дымчатые очки. Знаю, что его взгляд будет сопровождать меня все время, пока я работаю над книгой. Это поможет мне не отдаляться от подлинных фактов, поможет избежать преувеличений, столь характерных для подобного рода сочинений. В течение длительного времени я имел возможность близко наблюдать жизнь учителя. Были годы, когда Афанасий Матвеевич Селищев был для меня не только учителем, но и самым близким человеком. Думаю, что в те годы и я не был безразличен ему. Много нас связывало, особенно в 1930—1933 гг. Память хранит много эпизодов и событий, говорящих о том, что для Селищева я был не только студентом и аспирантом, которому он передавал секреты своего мастерства. Только этим можно объяснить, что человек замкнутого характера в разные годы наших встреч и бесед рассказывал мне о своем детстве, о матери, о людях, с которыми он встречался на своем жизненном пути. К тому времени относятся записи этих бесед. Теперь, через 50 лет, они очень помогли мне в работе над книгой.

Самые ранние впечатления детства у Афанасия Матвеевича были связаны с привольными степями Орловщины, с сильным и независимым ее народом. Кругом было много разного бродячего и шумного люда. Предки Селищева не знали крепостного права. Щедрая земля хорошо одаривала тяжелый труд землепашца.

---

* Публикуется по изданию: Б е р н ш т е й н С. Б. А. М. Селищев — славист-балканист. М., 1987. С. 5—27.

Родился Селищев 11 января 1886 г. в богатом и хорошо известном на юге России селе Волове Ливенского уезда Орловской губернии. По современному административному делению село находится в Липецкой области РСФСР. Семья принадлежала к «казенным», т. е. к государственным крестьянам, которые составляли основное население села. Кроме «казенных», жили здесь и так называемые цуканы, в прошлом помещичьи крестьяне, поселившиеся здесь во второй половине XVIII в. Очень рано мальчик должен был выполнять разнообразные обязанности сельского подростка: помогать по хозяйству, ездить в ночное, скирдовать сено... Раньше своих сверстников он начал косить и пахать, так как не по летам был высок и силен.

Афанасий Матвеевич пронес через всю свою жизнь светлый образ матери. Мальчик был очень привязан к ней. И мать, кажется, любила Афоню больше других детей. Он выделялся среди них своим физическим и умственным развитием. Уже будучи профессором, Афанасий Матвеевич, человек отнюдь не сентиментальной складки, вспоминал свою мать всегда с чувством глубокого волнения.

В положенное время после завершения летних полевых работ Селищев начал посещать местное земское четырехклассное училище. Уже в первом классе он обратил на себя внимание учителя: хорошо и бегло читал, быстро и легко все запоминал, по всем предметам в классе был первым. Поражала страстная жажда знаний. Со второго класса учитель начал заниматься с мальчиком сверх программы, руководил его домашним чтением. После окончания училища, по ходатайству учителя и инспектора народных училищ, Селищев получил земскую стипендию, которая давала возможность продолжать обучение. Речь шла о реальном училище в уездном городе Ливны. Неожиданно возникло препятствие. Отец и слышать не хотел о дальнейшем учении. *«Он уже и теперь знает больше моего. Его знаний для крестьянского дела достаточно»*. Лишь активное и решительное вмешательство матери помогло учителю преодолеть сопротивление отца. Однако задержка привела к тому, что в Ливны Селищев пришел уже после завершения вступительных экзаменов. Шел в свой уездный город сельский паренек 50 верст пешком, босиком, за плечами болталась котомка, на палке через плечо нес новые сапоги. Встреча была холодной. Директор отказался даже выслушать мальчика. Помощь пришла от инспектора училищ. Вопреки правилам был проведен экзамен, на котором Селищев по всем предметам получил высший балл.

Началась новая и необычная для мальчика городская жизнь. Он снял угол в семье местного ремесленника. За жилье и еду платил по-

ловину своей стипендии, другую регулярно отсылал домой. Все каникулы проводил в родном селе. Уже в пятом классе начал преподавать ливенским недорослям русский язык и литературу. Это давало дополнительный заработок и воспитывало навыки будущего педагога. Именно в пятом классе реального училища Селищев принял решение продолжать образование в университете на историко-филологическом факультете. Только теперь он узнал, что для поступления в университет нужно иметь аттестат гимназии. Его можно было получить только после сдачи дополнительных экзаменов при гимназии по латинскому, по античной, западноевропейской и русской литературам. Прошедшая недавно реформа министра Ванновского освобождала от сдачи экзамена по греческому языку.

Нелегко молодой Селищев входил в новую для него социальную среду. Его диалектное произношение вызывало насмешки товарищей, иронические замечания учителей. Особенно раздражало фрикативное *з*, яканье, мягкий *т* в 3 л. ед. ч. настоящего времени глаголов — *идёт*. Здесь на помощь пришел учитель словесности, который много сделал для исправления произношения орловского крестьянского мальчика. Уже в третьем классе речь Селищева не отличалась от речи учеников из интеллигентных семей. Изменение произношения, новый книжный склад речи не прошли незамеченными в родном селе. У отца Афанасий Матвеевич заметил новые черточки, обычные при его общении с горожанами. Заметно изменилось отношение к нему бывших товарищей, с которыми вместе рос. Эти отношения теперь утратили естественность и простоту. Со всем нередко пожилые мужики при встрече теперь первыми снимали картуз.

Афанасий Матвеевич реально и на первых порах болезненно ощущал свою отчужденность от родной среды, свой переход из крестьянского сословия в интеллигенцию. Однако духовная связь Селищева с породившей его социальной средой никогда не прерывалась. Это особенно отчетливо проявляется в его описаниях русских диалектов. В них перед нами проходит целая галерея людей с их индивидуальными особенностями, заботами и надеждами, а не безликие информаторы обычных работ по диалектологии, где все ограничивается краткими сообщениями о поле, возрасте и уровне образования. Всегда чувствуется человек, отлично и близко знакомый с крестьянским трудом и бытом. Не так часто в диалектологических описаниях мы можем встретить такие места: «Прежде всего в каждом селе от каждого собеседника я слышал неизбежную жалобу на недостаток земли. От старика и старухи до парнишки все в один голос вопили: земли ма-

ло, земли дайте, хлеба недостает, сена не хватает... Земство должно скорее прийти на помощь молодому поколению старообрядцев и, учитывая особенности их быта и настроения, открыть хорошие образовательные школы и курсы... Невежественные руководители старообрядцев, их отцы и наставники, как страшного греха боятся отступлений от мельчайших преданий старины» [Селищев 1920, 14].

Книга переполнена глубоким сочувствием к крестьянству. В молодом старообрядце Антамоне, стремящемся получить образование, Селищев видел самого себя. «Во что бы то ни стало нужно обуздать мракобесие уставщиков: они губят народную жизнь» [Там же]. А вот другой пример из более поздней публикации: «Порой лес прерывался, и показывались поля с яровым хлебом: ячменем, пшеницей, овсом. Яровые хлеба в этом году чрезвычайно хорошо уродились бы в этой местности, если бы холода и дожди не помешали наливу. Ячмень кое-где, может быть, и удастся дождать. Но овес, высокий, густой, ветвистый, безнадежен: холода сгубят его» [Селищев 1927, 41].

Сценка из заседания суда в чувашском селе Б. Сундырь 24 сентября 1921 г.: «Много времени взяло разбирательство дела о краже 1 пуда ржи и 3 пудов 10 фунтов ячменя у чувашина из деревни Вурман-касы. Кража была учинена женщиной-чувашкой из деревни Кузькиной. Украденными семенами она засеяла свою полосу. Земля же потерпевшего осталась незасеянной. В краже эта женщина еще до суда созналась. Уличенная и в других кражах, она была страшно избита в деревне. На суде она сидела жалкая, какая-то вся обгрызанная, едва подававшая голос. Раньше же она в воровстве не была замешана. Что побудило ее к воровству теперь, ни обвинители, ни свидетели не объяснили судьям. Разобрав дело, судьи вынесли такой приговор: урожай с полосы, засеянной украденными семенами, передать пострадавшему, а виновную в воровстве в наказание заключить в тюрьму на 3 месяца. Не только для наблюдений лингвистических, но и этнографических и социальных судебный разбор этого дела представлял богатый материал, а вне научных наблюдений он тяжелым гнетом ложился на душу» [Там же, 45]. В. В. Виноградов имел все основания написать: «Любовь к крестьянству, к простому народу, свою социальную связь с которым Селищев всегда чувствовал, был горячей волной в его диалектологических изысканиях и этнографических описаниях» [Виноградов 1947, 47]. Со своей стороны крестьяне отнеслись к ученому диалектологу с полным доверием и симпатией.

Сразу же после завершения обучения в Ливенском реальном училище Селищев при Курской гимназии в 1905 г. успешно сдал все необходимые экзамены и осенью того же года поступил на историко-

филологический факультет Московского университета. Выбор университета был случайным, не случайным был выбор факультета. В 1905/06 учебном году в Московском университете по известным политическим причинам занятий фактически не было. Весь учебный год Селищев упорно занимался изучением древнегреческого языка. Летом 1906 г. Селищев перевелся в Казанский университет, в котором прошел полный курс. В Казани он не только получил высшее образование, но и начал свою научную и педагогическую деятельность. С этим волжским городом восточного колорита было связано много событий, он стал ему родным. Селищев любил называть себя казанцем. Над его письменным столом висел снимок дорогого ему университета. Уже позже, в Москве, среди его посетителей можно было встретить казанцев (Н. П. Грацианского, С. П. Шестакова, молодого в те годы В. М. Хвостова и др.).

Впервые в Казани Селищев столкнулся с многоязычным населением. И это, конечно, не прошло бесследно для формирования специальных лингвистических интересов студента. «Кругом татарская речь, татарские типы, а в университете, где с самого начала его возникновения были представлены и востоковедные науки, еще сильна традиция тюркологов Казембека и Березина, монголистов Ковалевского и Бобровникова, знаменитого краеведа Фукса... Востоковедные интересы ярко выражены в уставе “Общества археологии, этнографии и естествознания при Казанском университете”... Первым местом соприкосновения А. М. Селищева с татарским миром была Казань» [Дмитриев 1947, 67]. Селищев не стал тюркологом. Он избрал себе специальность слависта. Однако тюркологическая (в меньшей степени угро-финская и монгольская) проблематика мощно вошла в круг его специальных занятий и определила его постоянный интерес к проблемам языковых контактов. К концу жизни в автобиографии Селищев писал: «Основной мотив моих изучений — это исследование разноразличных связей в свете общественных отношений» [Аванесов 1947, 76].

Подготовку в области славяноведения на факультете Селищев проходил под руководством проф. Н. М. Петровского, потомственного казанского слависта. Автор многих работ по истории славянской филологии, по истории славянских литератур, славянской библиографии, Петровский, однако, был далек от проблем языкознания. Селищев так определил основное содержание трудов своего учителя: «Его многочисленные труды посвящены истории культуры славянских народов, преимущественно истории их литератур» [Селищев 1921а, 12].

Непосредственно под влиянием руководителя свои первые шаги в науке Селищев сделал именно в области историко-культурных и педагогических проблем. В 1912 г. вышел из печати первый труд молодого ученого. Это была статья в сборнике в честь профессора Д. А. Корсакова «Карл Гавличек о русской литературе и “Славяно-православной партии”». Через год была опубликована первая книга Селищева «Взгляды К. Гавличка на Россию. К истории славянских взаимоотношений в половине XIX века». Влияние руководителя сказалось в особом внимании молодого ученого к Чехии, к чешской культуре и в выборе темы из истории русско-чешских культурных контактов, которым Петровский придавал большое значение.

Однако этот период длился недолго. Ко времени сдачи магистерских экзаменов научные интересы Селищева определились не только в общих чертах в смысле направления и метода, но и в отношении конкретных проблем. Получив под руководством Петровского отличную филологическую подготовку, Селищев в дальнейшем не стал в собственном смысле слова филологом. В списке его опубликованных работ отсутствуют темы текстологического характера, он не изучал и не издавал древних славянских памятников письменности, был далек от кирилло-мефодиевской проблематики. Лишь в 1939 г. он издал с учебными целями «Образцы древнерусского письма XI—XVII вв.». Других трудов аналогичного характера в списке публикаций профессора нет.

Уже к 1914 г. окончательно победили лингвистические интересы с явным уклоном в диалектологию, в изучение проблем языковых контактов. Вот почему никак нельзя согласиться с С. П. Обнорским, который в статье «Памяти А. М. Селищева» писал: «А. М. Селищев как славист, можно сказать, не был лингвистом, — он был филологом в широком смысле слова» [Обнорский 1947, 7]. Это утверждение ошибочно. В отличие от большинства современных ему славистов Селищев был прежде всего лингвистом, изучавшим живую речь, фонетические процессы, взаимодействие между языками, многие вопросы из праславянской фонетики. Уже в начале своего творческого пути он наметил четкую программу чисто лингвистических исследований. Филологические труды в списке его работ занимают весьма скромное место. Большой интерес с молодых лет Селищев проявлял к этнографии. Исследований и наблюдений этнографического характера у него много. Однако они обычно связаны с собственно лингвистическими вопросами.

Лингвистические взгляды молодого ученого формировались преимущественно под влиянием проф. А. И. Александрова, ученика